

КРИТИКА И КОММЕНТАРИИ

Есть люди, которые всю свою жизнь «как профессионалы и как неловки» преданы одной теме. Она является для них своеобразным идейным наркотиком. Для известного политолога А.Л. Янова такой темой стал «русский фашизм». Сейчас, когда «русский фашизм» из области научных споров властно вторгся в политику, есть смысл подробно рассмотреть основные политологические работы Янова, посвященные этому вопросу и всему, что с ним связано.

«Профессор Янов, вы большой ученый...»

Александр Львович Янов родился в 1930 году. В 1953-м окончил исторический факультет МГУ. В 1970 году он защитил диссертацию «Славянофилы и Константин Леонтьев». Янов довольно быстро вступил в конфронтацию с официальной советской идеологией и в 1974 г. покинул СССР. В США он сделал блестящую академическую карьеру. «Альфой и омегой» его научной работы стало исследование русского национализма. Причем, следует отметить, что, если на Западе, в отличие от советской науки, в дефиницию «национализм» не вкладывается однозначно негативного содержания, то Янов подошел к определению русского национализма чисто по-советски. С самого начала своей научной деятельности в США он начал запугивать западную общественность грядущей угрозой «русского фашизма». И если большинство современных западных авторов выделяли, по крайней мере, две разновидности национализма — защитный, позитивный и агрессивный, негативный, то Янов утверждал, что национализм русских может быть только агрессивным. Нужно сказать, что Янову повезло, он, что называется, «попал в струю». Именно во второй половине 70-х годов в западном научном сообществе пробуждается интерес к русскому национализму. Огромную работу по объективному исследованию феномена возродившегося в 60-х годах русского национализма проделал старший сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете Джон Данлоп. Именно он познакомил широкую западную общественность с малоизвестным и старательно замалчиваемым эпизодом диссидентского движения в России — деятельностью Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН). О том, что семь московских интеллигентов вышли в августе 1968 г. на Красную площадь протестовать против удушения «Пражской весны» знали на

Западе все. И это считалось началом подлинного диссидентского движения. А вот то, что в СССР почти целых три года действовала нелегальная организация, возникшая еще в феврале 1964 года, не знал почти никто. ВСХСОН ставил своей целью насильственное свержение коммунистического режима и переустройство жизни в стране на принципах социал-христианства («третий путь — не коммунизм и не капитализм»). Данлоп первым ввел в научный оборот документы и материалы разгромленного КГБ ВСХСОНа, опубликовав их в 1975 г. на русском языке. (См.: Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа: программа, суд, в тюрьмах и лагерях. / Сост. Д. Данлоп. Париж. 1975.)

В 1976 году Данлоп выпустил на английском языке книгу, посвященную ВСХСОНу «Новые русские революционеры».

В западном общественном мнении стал складываться привлекательный имидж русских националистов. Весьма влиятельным силам это не нравилось и началась «контрпропаганда». Основным «застрельщиком» в этой компании выступил профессор Нью-Йоркского университета А. Янов. В 1978 г. он выпускает на английском языке свою первую крупную работу, посвященную русскому национализму «Русская новая правая». (См.: Yanov A. The Russian New-Right: Right-Wing Ideologies in Contemporary USSR. Berkely. 1978.) Затем последовал ряд других работ. Основной их пафос состоял в следующем. Да, коммунистический режим — это плохо, но на смену ему придет еще более страшный русский национализм, который будет брать власть в СССР по мере коррозии коммунизма. Автор сформулировал знаменитый тезис Янова: неминуемое крушение советской империи приведет к возрождению имперских амбиций в Москве, что в дальнейшем будет угрожать превращением России в фашистское государство, вооруженное ядерным оружием.

Квинтэссенцией «кассандровской миссии» Янова стала его книга «Русская идея и 2000 год». (См.: Yanov A. The Russian Challenge and Year 2000. Oxford, 1987.) По-русски главы из этой книги были опубликованы в журнале «Нева», 1990, № 9—12¹. Почему именно 2000 год? Потому что именно к концу этого столетия Янов относил реализацию своих пророчеств — приход фашистов к власти в России. В своей книге он прослеживает эволюцию «русской идеи» от И. Аксакова до А. Солженицына и делает вывод о логическом завершении этой эволюции к середине 80-х годов XX века. Следующий этап, по Янову, переход русского национализма от слов к делу.

Эволюцию «русской идеи» Янов рассматривает на основе своей историософии. Парадокс в том, что ультразападник формулирует концепцию об «особом пути» России. В полном объеме она была сформулирована им в книге «Происхождение автократии. Иван Грозный в русской истории». (В России главы из этой книги публиковались в журнале «Октябрь», 1991, № 8.) Эта концепция довольно проста: начиная с «опричной революции» Ивана Грозного, история России представляет собой смену исторических циклов, главное содержание которых — борьба реформ и контрреформ. Фазы цикла: псевдодеспотизм (нечто внешне похожее, но внутренне отличное от восточного деспотизма), «Смутное время» (то есть полоса российских реформ, приводящих к хаосу в стране), фаза стабилизации (когда реформы сворачиваются, но динамизм развития не обретается). В конце концов появляется новый деспотический режим, который дает импульс развитию. «Ужесточение режима связано не со стагнирующей экономикой, а напротив, с модернизационным взрывом. Система стремительно трансформируется, пытаясь одним лихорадочным броском, тотально мобилизуя для этого все свои ресурсы, опередить окружающие ее народы». (Янов А. Истоки автократии. // Октябрь, 1991, № 8, с. 151.)

В своей книге Янов, по сути дела, противопоставил в России реформы и модернизацию. Вот почему на протяжении пяти веков российские реформы так и не смогли изменить политическую систему страны (автократию), которая каждый раз воспроизводит себя на новом, более высоком уровне технической, технологической и организационной сложности. Россия оказалась в роковом цикле реформ и контрреформ, чем более глубокий характер носят реформы, тем более сильным оказывается откат к автократии в ходе контрреформ. Вырваться из этого цикла Россия, по мнению Янова, смогла бы лишь при помощи извне. (При этом Янов старательно обходит вниманием такую иностранную «помощь» во времена наших «Смут», как польская интервенция в начале XVII в. или интервенция Антанты в 1918—1920 гг.)

Идеологическим обоснованием контрреформы всегда выступает «русская идея», согласно автору всегда выступающая в форме имперского национализма. В книге «Русская идея» и 2000 год» Янов вполне рассчитывается с «чудовищем русского национализма». Книга содержит немало интересных фактов, но в их интерпретации, а также в построении концепций ангажированный публицист берет верх над ученым. Из представителей русской общественной мысли более-менее объективный подход проявляется у него только по отношению к славянофилам первого поколения, а далее все сплошь «имперские националисты». Вот несколько цитат. Данилевского, который своими историософскими концепциями предвосхитил Шпенглера, Янов определяет следующим образом: «Данилевский был по сути первым представителем той странной амальгамы изоляционизма с экспансионизмом, которая станет главной характеристикой «русской идеи» после него». (Янов А. «Русская идея» и 2000 год» // Нева, 1990, № 9, с.

150.) О Леонтьеве: «Никогда еще рабство не проповедовалось в России так квалифицировано, с таким бесстрашием, с такой замечательной мощью предвидения». (Там же. с. 151.) Даже Бердяева Янов причисляет к идейной традиции, приведшей к «русскому фашизму». (Там же, с. 160—161.) И бесполезно спрашивать, а Бердяева-то за что? Уж если он — предшественник «русского фашизма», то Муссолини — основатель «Гринпис». Янов не произносит вслух, но молчаливо подразумевает, что русская мысль ничего кроме «имперского шовинизма» родить не может. Ведь недаром и теорию эволюции русского национализма XIX века, явно заимую у Милюкова и Гершензона, он выдает за свою. (На это обратил внимание еще Б. Парамонов.//Парамонов Борис. Парадоксы и комплексы Александра Янова.//Континент, 1979, № 20, с. 254.)

Переходя к русскому национальному движению советского периода, Янов выстраивает следующую схему генезиса «русского фашизма» в СССР: от ВСХСОНа через творчество А. Солженицына к самиз-датовскому журналу «Вече» (редактор — В. Осипов) и к «черносотенному фашизму» «Памяти». Особенно много места Янов уделяет критике взглядов Солженицына. Бедный Александр Исаевич! Он видимо и не чаял стать звеном в цепи «русского фашизма»! Автор «Русской идеи»... сам признается, почему он вынужден пойти на «погром Солженицына». «Я хочу, чтобы читатель ясно понял мое отношение к Солженицыну. Оно заключается в этом вопросе: почему человек, который так много сделал для меня, потом предал меня?» (Янов А. «Русская идея» и 2000 год»./Нева, 1990, № 11, с. 150.)

Действительно Солженицын был духовным лидером борьбы против коммунизма (в отличие от Сахарова, которому Янов посвящает свою книгу. Сахаров был всегда лишь либеральным коммунистом). Однако на вопрос о том, куда идти «после коммунизма» Солженицын дал совсем не тот ответ, который от него ждали все либеральные диссиденты. Вот какую цитату из Солженицына осуждающе приводит Янов: «Вдруг отвались завтра партийная бюрократия — эти культурные силы (то есть либеральная интеллигенция — Ю. К.) тоже выйдут наружу — и не о народных нуждах, не о земле, не о вымирании мы услышим их тысячекратный рев., а о правах, о правах... и разгро-хают наши останки в еще одном Феврале, в еще одном развале». (Цит. по: Янов А. «Русская идея» и 2000 год»./Нева, 1990, № 11, с. 162.)

Сказано за десять лет до перестройки, а как точно! Как видим, и Янов и Солженицын оказались своеобразными политическими пророками. И, что еще более интересно, оба, являясь противниками советской империи, были вынуждены начертать на выходе из нее: «Оставь надежду, всяк отсюда выходящий!»

Александр Янов и «отцы российской демократии»

И вот американско-русский профессор А. Янов выпускает новую книгу. (В аннотации к этой книге сказано, что Янов прожил три жизни. Одну в России, вторую в Америке. И третью — в самолете между ними.) Ее название «После Ельцина. Веймарская Россия». М. 1995. Журнальный вариант — «Нева», 1994, № 3—6. Характерно уже само название. Для Янова нет сомнений в исчерпанности нынешнего российского режима. Ельцинский режим заслуживает у него следующее определение: «Слабость и бессодержательность царят в этой администарции. Она бредет без руля и ветрил — бесхребетное правительство без будущего». (Янов А. После Ельцина. Веймарская Россия. М., 1995. с. 14.)

Почему «Веймарская Россия»? Автор так раскрывает это определение: «Центральная метафора этой книги — «веймарская» Россия. Веймарской называлась демократическая республика, возникшая в 1918 году на развалинах вильгельмовской империи... История веймарской Германии была краткой — всего полтора десятилетия. Но она навсегда останется самым ярким символом непреложного исторического закона: попытка свести гигантскую задачу демократической трансформации имперского гиганта к тривиальной проблеме денег и кредитов не может закончиться ничем, кроме всемирного несчастья... Катастрофа демократии в веймарской Германии вовсе не была случайным или изолированным эпизодом истории XX века. Напротив, она — дословно повторялась во всех без исключения великих державах имперского или, как логично его назвать, веймарского класса. Так случилось в Китае после 1911 г., когда Сун Ятсен объявил его демократической республикой, и в Японии, приступившей в 1912-м к глубоким демократическим реформам... Так случилось и в самой России после февраля 1917-го, хотя весь ее веймарский этап продолжался всего девять месяцев... В ретроспективе мы видим, что по-другому быть и не могло». (Там же, с. 11.)

Янов вступает в скрытую полемику с идеологами демократизации России. Они утверждают, что альтернативы демократии нет, демократизация — естественный путь эволюции России. Всякие неудачи демократии — временные и «иного не дано». Янов же утверждает другое, говоря об истории крушения «веймарской» демократии: «Если даже удавалось демократии пережить первый, второй или третий свой кризис, пятый или десятый добивал ее наверняка». (Там же, с. 11—12.)

Книга Янова имеет как бы два измерения. Первое (и самое интересное в ней) — анализ «новой русской правой», второе — повествование о попытке Янова «спасти Россию». Перед тем как дать характеристику основному содержанию последней книги Янова,

имеет смысл внимательно прочитать то, как и с помощью кого он собирался «спасать Россию».

Профессор выдвинул теорию, согласно которой демократию в России мог спасти только отказ от «веймарской стратегии», то есть широкомасштабная помощь России со стороны Запада — «стратегия соучастия». Запад создает «товарный щит», прикрываясь которым Россия может безболезненно перейти к рынку. И тогда в глазах россиян демократия и рынок не становятся синонимами нищеты, вопиющего неравенства и всеобщего развала. Свой проект Янов подкрепляет ссылками на пример послевоенной Германии и Японии, где «соучастие» Запада помогло сделать демократические перемены необратимыми. Это — чисто маниловский проект. О степени необратимости демократии в Германии и Японии Янову следовало бы спросить живущих в ФРГ турок или японских айнов и корейцев. Но главная «маниловщина» в другом. Янов как-будто не замечает, что «соучастие» Запада в Германии и Японии состояло прежде всего в оккупации этих стран и жестком контроле за их внутренней и внешней политикой. И когда он пишет о том, что Запад, к сожалению, с равнодушием наблюдает за «драмой демократии» в России, он, судя по всему, искренне не понимает, что Западу не нужна процветающая Россия. Или то, что она может получить «право на процветание» только попав под протекторат Запада. Известный социолог А. Зиновьев назвал такую модель «колониальной демократией» и опыт истории учит, что еще ни одной колонии не позволили жить лучше метрополии, если, конечно, исключить патологический случай СССР.

Впрочем, может быть Янов также вполне искренне считает, что «колониальная демократия» — благо для России. Недаром же он пишет, что одним из условий привлечения японской помощи по «его плану» была передача Японии Южных Курил.

Однако, в книге Янова есть одно место, которое позволяет говорить о «маниловщине» его проекта и еще в одном аспекте. Это рассказ о тех, кто должен был здесь вместе с Яновым «спасать Россию» — о российских демократах. Прямо-таки оживают образы Гоголя или Ильфа с Петровым. Вот только один сюжет. Янов договорился с рядом известных и уже отставных политиков Запада, что они примкнут к обсуждению идеи «товарной помощи России», но им был нужен российский партнер, с которым можно было бы вести переговоры. Янов побывал в Верховном Совете, встречался с его тогдашним главой Б. Н. Ельциным (это был декабрь 1990 года) и заручился его поддержкой. Персонально отвечать за разработку проекта с российской стороны должен был депутат В. Лукин (ныне — второй человек во фракции «Яблоко»). Вдохновленный успехом, профессор улетел в США. Что было дальше, почему Россия до сих пор не спасена? Стоит привести обширную цитату. «Москва молчала. Месяц, другой, третий. На четвертый я не выдержал неизвестности, прилетел. Я подозревал,

конечно, что дело с формированием российского ядра идет со скрипом. Но то, что я обнаружил, меня ошеломило, поскольку я не обнаружил ничего. Ни российского ядра. Ни даже воспоминания о том, что «реальная поддержка» этих идей Верховным Советом была мне гарантирована всеми высокими подписями. Причем никто не чувствовал ни малейшей неловкости по поводу того, что личное распоряжение главы российского парламента оказалось пустым звуком... Из ВС я уходил с чувством, что российская бюрократия, пусть и демократическая, безнадежна. Куда идти теперь? К кому стучаться? Я решил обратиться прямо к тем, в ком видел кандидатов в российское ядро «международного штаба». Встретился с Э. Шеварнадзе, Ю. Рыжовым, Н. Травкиным, Г. Явлинским и другими. Все согласились войти в Совет. Не хватало лишь одного человека — работающего лидера, который бы все организовал. С энтузиазмом согласился на эту роль Станислав Шаталин. Он заверил меня, что уж на него-то я могу положиться, как на каменную стену: это станет для него практически второй работой. Ну вот, вздохнул я с облегчением, нашелся, наконец, ответ на все мои вопросы. Просто бюрократы в ВС не увидели своей собственной роли в таком глобальном проекте. А блестящий интеллект Шаталин ее тотчас же увидел. Я могу на него положиться. И снова вернулся в Нью-Йорк счастливый. Дело было в мае. В июне Шаталин мне не позвонил. В июле тоже. Чтобы не утомлять читателя скажу, что не позвонил он мне вообще. С тяжелым сердцем вернулся я в Москву в октябре, где и выяснил, что Станислав Шаталин только что уехал отдыхать во Францию». (Там же, с. 18—19.)

Если уж фанатичный сторонник демократии в России профессор Янов постоянно вынужден приводить такие вот примеры «бурной деятельности» своих российских единомышленников, то какие могут быть вопросы?

Но все же основное содержание книги Янова — современный «русский фашизм», его лидеры, идеология, перспективы.

«Новые русские правые» на марше

Янов посвящает свою книгу анализу именно «новых» правых. Он уже не затрагивает Солженицына, хотя тот теперь не «вермонтский отшельник», а не последняя по масштабам идейно-политическая фигура в «веймарской России». Не воюет профессор и с другими «старыми» правыми, например, писателями-«дере-венщиками» — В. Беловым, В. Распутиным и другими, что было любимым занятием «перестроечных» публицистов. Янов своим опытным чутьем угадывает реальные политические силы, могущие сыграть значительную роль в будущей России. Его интересуют идеологи «новых правых», он не ставит своей целью анализировать организационные структуры

возникающего движения. Все это еще аморфно и текуче. Но идеология уже оформляется. Поэтому в центре внимания Янова идеологи (в случае с Жириновским идеолог совпал с организатором)

Автор книги выделяет следующих идеологов «русской идеи» в ее праворадикальном варианте (а других он и не признает): В. Жириновский, А. Проханов, И. Шафаревич, Л. Гумилев, С. Кургинян и А. Дугин.

Не будем спорить с Яновым о том, хороша или плоха «русская идея» в ее новых вариантах. Поставим себе целью проанализировать другое. Адекватно ли многоуважаемый профессор отразил идеи и концепции «новых правых»?

Начнем с Жириновского. «Явление Владимира Вольфовича народу» пробовали объяснить многие, но только Янов попытался обнаружить исторические корни идеологии Жириновского. Он определяет «демиурга ЛДПР» как «имперского либерала» наподобие Данилевского. Вот что Янов писал о Данилевском в «Русской идее»...»: «Сам Данилевский был «либеральным империалистом», то есть готов был благословить либерализацию внутреннего режима, коль скоро Россия будет изолирована от зловредного западного влияния». (Янов А. «Русская идея» и 2000 год»./Нева, 1990, № 9, с. 150.)

С точки зрения автора концепции «веймарской России», Жириновский — сторонник капитализма и даже демократии в империи, «закрывшейся» от Запада. Вот как он излагает кредо Жириновского: создать гигантскую «закрытую империю», включающую бывший СССР и ряд пограничных с ним южных регионов Азии («бросок на юг») и тогда «захлопнемся от мира» на замок, спокойно, под прикрытием своего «ракетного щита», наблюдая, как Запад постепенно превращается в подлежащий освоению «этнографический материал», — вот тогда сможем мы позволить столько плюрализма и многопартийности, сколько душа пожелает. (См.: Янов А. После Ельцина. Веймарская Россия. М., 1995. с. 145.) Однако собирается ли лидер ЛДПР отгораживать Россию от Запада «железным занавесом»? Предоставим ему слово: «Я увидел как-то на стене одного из московских домов надпись «Русские идут!» Во изменились времена! Раньше писали: «Спартак» — чемпион»... Я подумал: «Нужно сделать все, чтобы русские действительно шли». Не сидя на танках, хлебали бы из миски, достойно питались в самых шикарнейших ресторанах Европы и Америки, чтобы русские фирмы были бы самыми мощными в Европе, чтобы «Газпром» посадил бы всю Европу на наш газ, а «Агрохим» завалил бы весь мир нашими удобрениями, чтобы русских артистов узнавали бы на улицах самого паршивенького американского городишки, чтобы каждый негр в Гарлеме

знал, что тягаться с русской мафией бесполезно». (Жириновский В. Русские идут (ответ Эдуарду Лимонову). В кн. «Последний вагон на север». М., 1995. с. 21.)

Нет, Жириновский не собирается уходить за «железную завесу», а, наоборот, хочет прорваться на мировые рынки, в «европы». И, например, его «паломничество» в Страсбург это подтвердило.

Янов, анализируя «феномен Жириновского», старательно уходит от вопроса: как объяснить то, что лидер ЛДПР действительно выступает за «капиталистическую модель» экономики, а в программе его партии продекларированы истинно либеральные ценности? Разгадка «имперского либерализма» Жириновского, на наш взгляд, вовсе не во влиянии «русской идеи». Что, либеральные демократии Англии и Франции тоже в свое время не были имперскими? А уж там «разложение славянофильства» ни при чем. Либеральная демократия Жириновского — это либеральная демократия Запада, та, какой она была примерно с век тому назад. Это — идеология «свободного», «дикого» рынка в экономике и то, что англичане сами называли «джингоизмом» (воинствующим национализмом) во внешней политике. (Стоит вспомнить хотя бы «опиумные войны» или тот факт, что первые в мировой истории концлагеря были созданы либеральной Англией во время англо-бурской войны.)

Либеральный профессор не хочет признать в Жириновском «своего», хотя тот и не виноват, что капитализм в России опоздал на сто лет. А вести Россию Жириновский хочет тем же путем, что шел ваш Запад. Нужно тогда иметь интеллектуальное мужество и признать неизбежность периода «имперского либерализма» в России или ее право «идти другим путем», но и это Янова не устраивает.

Далее Янов переходит к характеристике Александра Проханова. «Проханов — главный редактор центрального органа российской «партии войны»... один из самых зловещих кардиналов русского евразийства, самый красноречивый проповедник имперской идеи». (Янов А. После Ельцина. Веймарская Россия. М., 1995. с. 152.)

Автор утверждает, что Проханов — человек моноидеи, эта моноидея — империя, а основа имперской моноидеи — страх. Этот страх, с точки зрения нью-йоркского профессора, ничем не оправдан. «Объяснить, как формируются такие характеры и такое мироощущение, больше пристало психоаналитикам». (Там же, с. 155.)
Удивительное дело! Описывая страхи московских евреев перед возможными

погромами, Янов вовсе не считает это психическим отклонением. А русским бояться нечего, считает он. Да, в Москве русским бояться нечего, а в Прибалтике, Казахстане, Молдавии, Таджикистане, Чечне и т. д.? Задать вопрос: «зачем русским империя?» — могут только те, кто не испытал, что такое остаться без защиты «своего» государства. А у нас оно по необходимости приобретает «имперский» характер, в силу чересполосицы проживания народов. Империя и была таким общим домом, а сейчас ее пытаются заменить этнографическими бантустанами. И это во многом удается. Вот только русский народ оказывается слишком велик для «бантустанизации». И поэтому фактически идет «бархатный» холокост русских на «просторах СНГ». Поэтому потребность в сильном российском государстве, охватывающем основные регионы проживания русских, сильна, как никогда. Ведь те же евреи больше не стали откладывать создание «своего» государства после пережитого «холокоста», и это вновь возникшее государство начало защищать интересы евреев по всему миру. В этом России не грех поучиться у Израиля.

Не случайно, и Янов это признает, Жириновский и Проханов с «национальных окраин» СССР и они могли в силу этого первыми услышать раскаты приближающейся «этнократической грозы», поэтому они и стали «певцами империи». (Там же, с. 155.) Жириновский и Проханов — это идеологи-организаторы. А вообще-то Янов выделяет четыре идеологических течения «новых русских правых», связанных с именами Л. Гумилева, И. Шафаревича, С. Кургиняна и А. Дугина. Следует сразу сказать, что эта классификация крайне спорна и скорее всего связана с личными московскими знакомствами Янова. Он пишет, что встречался и беседовал (порой многократно) со всеми героями своей книги, кроме Шафаревича, который встречаться с ним отказался. По поводу чего, Янов заявляет: «Мне кажется, что Шафаревич струсил». (Янов А. После Ельцина... с. 191.) Если бы «страшный» профессор не ограничился узким кругом московской интеллектуальной богемы, то он наверняка разглядел бы множество других оттенков «правой идеи». Ведь даже то, что величают «русским фашизмом» имеет гораздо более сложную идейную структуру. Так известный (в том числе и скандально) московский политолог В. Прибыловский насчитывает семь идейных течений в «русском фашизме». (Смотрите журнал «Искусство кино, 1994. № 10. Он посвящен фильму С. Спилберга «Список Шиндлера» и, попутно, «угрозе русского фашизма».) Но, судя по всему, Янов имел не научную, а пропагандистскую цель: еще раз напугать западную общественность угрозой «русского фашизма», показать «технология» борьбы с ним, чего хотя бы стоит рассказ о том, как Янов поссорил Кургиняна с Дугиным. Что касается прогнозов, то здесь Янов явно не угадал тенденцию. Он однозначно причислил Зюганова и КПРФ к национал-большевикам, а вот «подлинные национал-большевики» (та же НБП Лимонова и Дугина) на предстоящих президентских выборах склонны ориентироваться на поддержку Ельцина, а не Зюганова.

А вообще, есть ли фашизм в России? Конечно, как и во всем цивилизованном мире. Более того, появление фашистских идеологий — верный признак вестернизации того

или иного общества. Фашизм — неотъемлемый спутник либерального общества. Кстати, на Западе фашизм выполнял и еще одну функцию — прививки от коммунизма.

Какова роль фашизма в «веймарской России»? Если считать фашистами тех, кого ими считает Янов, то «удельный вес» симпатий к фашизму следующий. На парламентских выборах в декабре 1995 года ЛДПР поимела чуть более 11 % голосов (единственная «фашистская» партия, попавшая в Госдуму), в сумме с другими патриотическими движениями и партиями (НРПР, «Держава» и даже КРО) примерно 20%. На последних президентских выборах во Франции представитель «французского фашизма» Ла Пен получил примерно столько же. Вот только почему-то книгу «После Ширака. Веймарская Франция» Янов не написал.

Новосибирск. 15. 02. 1996.

¹ Книга А. Янова "Русская идея" и 2000 год" была издана на русском языке отдельной книгой в 1993 г. (прим. ред.).